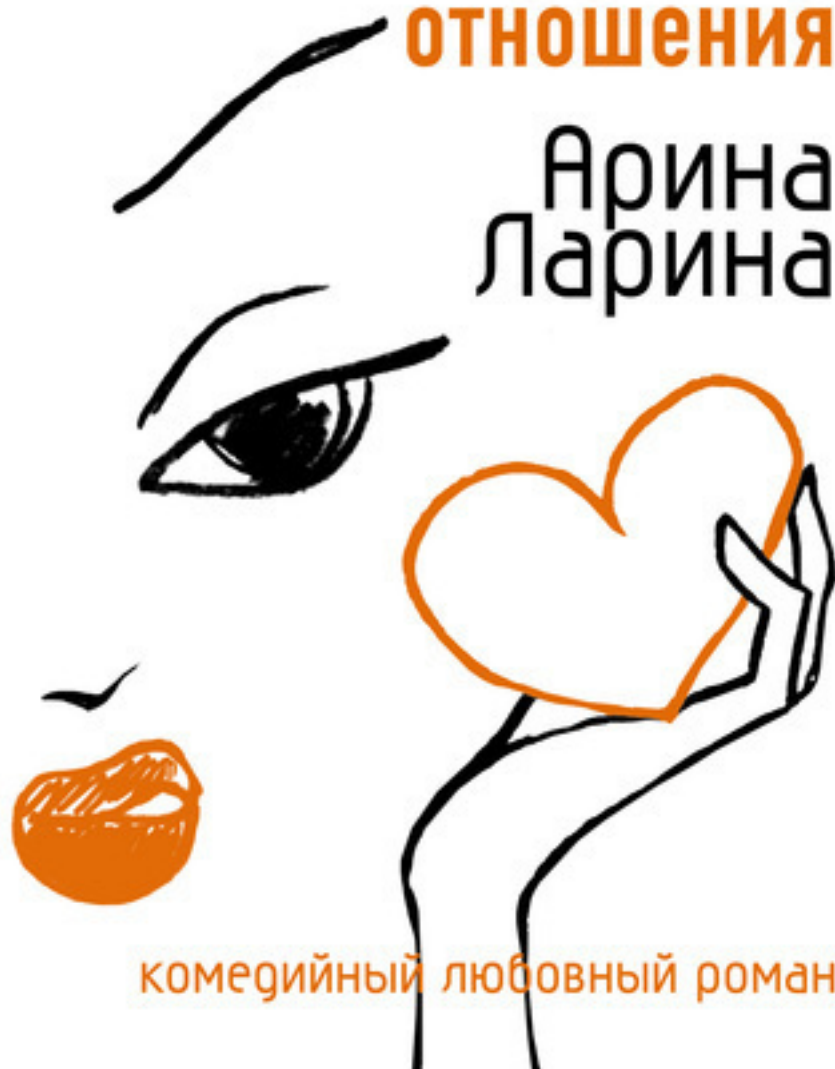

Почти высокие отношения

Арина
Ларина

комедийный любовный роман

Арина Ларина

Почти высокие отношения

«ЭКСМО»

2007

Ларина А.

Почти высокие отношения / А. Ларина — «Эксмо», 2007

Судьба, словно чрезмерно заботливая мамаша, старательно оберегала Лену Кораблеву от мужского внимания. Леночка и рада была бы распрощаться с одиночеством, только вот оно прилипло к ней банным листом и не желало покидать насиженное место. А уже вот-вот – и будет девице немного за тридцать... Так и жила Кораблева – создавая фон для своей яркой и шепотной подружки Светки, которая обожала любовные похождения. Но однажды ураган чувств вдруг настиг Леночку, подхватил и поволок неизвестно куда. В нее влюбился состоятельный мужчина – и позвал замуж! Такое возможно только в сериале. И реальный сериал, главную роль в котором играла Лена, начался!

© Ларина А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Арина Ларина

Почти высокие отношения

Пролог

В баре было шумно. Двое мужчин сидели за круглым полированным столиком. Один из них периодически вяло вскидывал глаза, чтобы последить за стриптизом. Девушка у шеста заученно улыбалась и устало дотанцовывала положенный номер. В этом заведении два давних приятеля встречались почти каждую пятницу, чтобы выпить пива и расслабиться.

Плечистый шатен задумчиво разглядывал свой бокал. Крохотные круглые пузырьки неохотно отрывались от тонких стеклянных стенок и весело взмывали к опадающей пенной шапке.

– Как в рекламе, – лениво протянул он, покрутив в крепких коротких пальцах стройный бокал, наполненный янтарным напитком.

– А я слышал, если пузыри булькают, значит, стакан грязный, – хохотнул сидящий напротив худощавый парень с вьющейся блондинистой челкой.

– И тебе приятного аппетита, – беззлобно отшутился шатен, но бокал отодвинул.

Он побарабанил пальцами по столу:

– Моя, представляешь, опять к морю просится. Когда-то зимой бегала в рваных сапогах и клеенчатой куртешке, а теперь, вишь, зимой у нее депрессия и надо на курорт. Иначе всю плешь проест. Шуба не шуба, кольцо не кольцо, поздно придешь – плохо, рано придешь – почему не предупредил. А зачем предупреждать? Чтобы она любовника успела выгнать и бутылки сдать?

– А у нее есть? – блондин презрительно скривил красивые губы.

– Что? Бутылки?

– Любовник.

– Нет.

– Ты уверен?

– А то. Все проверено.

– А-а.

Шатен решительно отпил из бокала и сердито сказал:

– Прикинь, сколько ни заработаю, ей все мало. Тут пашешь, пашешь с утра до ночи, а потом – бах! У тещи юбилей. Надо прийти так, чтобы маму перед родней не опозорить!

– Это как?

– Самим придется, маму одеть, ресторан оплатить. Да еще любимой теще подарок такой отвалить, чтобы все подружки своими змеиными языками от зависти подавились. Ладно бы только дома! Так еще и в личной жизни сплошные пинки: Катька обнаглела совершенно! Я к ней отдохнуть хожу, а она с порога как циркулярная пила заводится. А мне такое зачем? У меня дома своя лесопилка.

– Катька – это твоя новая?

– Да какая она новая! Б/у в квадрате. Я ей колечко подарил, так она заявила, что к кольцу ансамбль нужен!

– Песни и пляски?

– Угу! С двумя солистами. У нее тоже мама и ребенок.

– Да. Влип ты.

– Не больше, чем все остальные. Веришь, так обидно иногда! Тут клиент новый, америкашка. Друг умер, назначил этого чахоточного душеприказчиком. А друг миллионер. Санта-

Барбара на выезде. Приезжает этакий сморчок, полтора метра ростом, в детском джинсовом костюме и просит найти наследницу всех этих заводов, газет, пароходов. Оба эмигранты. Друг, который на кладбище переехал, оставил тут в России беременную невесту, когда сматывался от достижений социализма. Теперь его дочка все наследует. Уже выяснили имя и фамилию, даже адрес знаем. Зла не хватает! Какая-то Лена Кораблева получает все на блюдечке с голубой каемочкой, а я парюсь за копейки да еще эту мегеру-тещу терплю с ее запросами.

– Да ладно. Паришься ты не за копейки, предположим. Девуцу-то обрадовали?

– Не-а. Время тянем. Чтобы клиент не думал, что у нас все так просто. Он же считает, что у нас тут до сих пор каменный век: без компьютеров и Интернета. Оплата посуточная, так что помаринуем пока, думаю, пара месяцев у нас есть. Он все равно в свою Америку уехал, оттуда бдит за выполнением последней воли покойного.

– Слушай, а как вы ее вычислили-то? С такими «Ф.И.О.» тысячи небось.

– У нее отчество – Генриховна. Тут и дурак не ошибется.

– С добрым субботним утром! – Лена растянула губы в улыбке и осторожно открыла глаза. Потрескавшийся сероватый потолок явно не разделял ее отношения к жизни. Собственно, это утро она добрым и не считала, но, согласно теории, следовало начинать каждый день именно так. Эту теорию проповедовала ее ближайшая подруга Светлана Карякина, последние пару месяцев увлекавшаяся психологией.

Тягу к предмету в ней разбудил замысловатый американский фильм с чудовищным переводом и оставлявшим желать лучшего качеством изображения. Кассету они взяли в прокате, чтобы скрасить очередной девичник. Сначала под заунывную музыку по нижней кромке экрана ползали темные контуры ковбойских шляп и бейсболок, а концовка прошла на фоне большой лопухой головы, внезапно занявшей две трети изображения.

– Пиратская копия, – со знанием дела сообщила Светка еще в самом начале, после чего методично мешала смотреть фильм, предваряя своими пространными комментариями все действия героев. Убийцу она вычислила практически сразу, чем свела на нет все усилия кинематографической группы по созданию интриги. Эта победа густым осадком выпала в Светкином мозгу и подтолкнула ее к поступлению на курсы психологии.

Одинокая Светлана тут же прониклась глубочайшей симпатией к преподавателю и начала усиленно зазывать с собой Лену, соблазняя дешевизной процесса обучения и скорым получением диплома психолога.

– Хорошие курсы не могут стоить дешево, – уверенно отказалась Лена, но отвязаться от настырной Светки, которой скучно было таскаться на лекции одной, было не так-то просто.

– Вольдемар Карлович – гений, – она плотно прилипла к кухонной табуретке и уходит не собиралась. – Он хочет, чтобы его наука была ближе к людям, поэтому работает бесплатно.

– Бесплатно, это когда без денег, – пыталась вразумить ее Лена, – а твой наставник деньги все-таки берет.

– Разумеется, а аренду помещения он с чего платить будет?

На это ответить было нечего, поэтому Лена просто махнула рукой и коротко сказала:

– Отстань. Не хочу я на курсы, у меня халтуры по вечерам.

– Да что они тебе дают, эти халтуры? – взывала Светка. – С дипломом психолога перед нами открываются такие перспективы...

– Какие? – тут же строго прерывала полет ее фантазии бдительная Лена. – Мы тоже пойдем обирать начинающих психологов и вести всякие невразумительные курсы?

– Что ты понимаешь в психологии? Психологи везде нужны!

– Где?

– Везде!

– Адрес и желательно телефон потенциального работодателя, – Лена пыталась прекратить бессмысленную дискуссию.

Но Светка цеплялась как клещ, и подобные диалоги повторялись с завидной регулярностью. Она донимала Лену всякими правилами, о которых узнавала на лекциях. Одно из них – начинать день с улыбки – быстро прижилось, поскольку понравилось Лениной маме. Вероника Федоровна вообще очень тепло относилась ко всем Светкиным начинаниям, поскольку считала, что только Карякина способна правильным образом влиять на унылую жизнь дочери. Лена была домоседкой, поэтому живая и горластая Светка, не оставлявшая попыток устроить не только свою, но и подружку личную жизнь, была последней надеждой Вероники Федоровны. Услышав, что курсы ведет мужчина, она многозначительно кивнула Карякиной, которая вылавливала в крепком сладком чае очередную сушку, и сообщила Лене свое мнение по этому поводу:

– Вот. Именно в таком месте и можно найти приличного мужа.

– Он там один, – напомнила Лена, – и уже занят.

– Кем? – Светка взволнованно вскинулась и испытующе уставилась на подругу.

– Если я правильно поняла – тобой.

– А, – коротко вякнула Карякина и вернулась к своему помутневшему чаю. – Так там еще студенты есть. Нужного пола.

– Нужного, это какого? – машинально спросила Лена, размышляя, как бы плавно закруглить эту сильно надоевшую тему. Но, похоже, Светка с мамой были заодно.

– Если ты еще не до конца поняла, какой пол для тебя является противоположным, то внуков мне не видать! – тяжело оперлась на стол мама.

– Мы, кажется, говорили не о противоположном, а о нужном, – не сдалась Лена, которой страшно хотелось посмотреть телевизор или просто почитать книжку. Последний раз, когда она поддалась на Светкины уговоры и сходила на пробное занятие в какой-то подпольной школе бизнеса, она потеряла целый вечер, пытаясь вывернуться из цепких лап преподавательницы эстетики, а по совместительству директора кооператива «Бизнес-класс», которая расписывала радужные перспективы обучения в ее подвале, для верности придерживая Кораблеву за рукав блузки. В качестве доводов приводились шансы на открытие собственного дела на деньги все той же директорши, которая, по ее словам, своих учеников не бросала, поездка за рубеж на практику или, как минимум, выгодное замужество с кем-нибудь из обучаемых бизнесменов. То, что единственными кавалерами на курсе были два пенсионера и один чудовищно прыщавый юноша с тощей фигурой кильки, которую долго уминали в общей банке, тетку не смущало.

– Это они сейчас никто, – гордо сообщила она, – а с нашими дипломами – ого-го! Вы еще локти кусать будете!

Лена с удовольствием бы укусила приставучую наставницу за жирный локоть прямо сейчас, но мамино воспитание не позволяло бросаться на людей, даже таких навязчивых.

Светка потом долго хвасталась цветастой заплаткой в дипломных корочках, погуляла с ней по фирмам в поисках работы, разочаровалась в бизнесе и переключилась на другую тему. Диплом оказался в пачке таких же сомнительных документов, между удостоверением консультанта широкого профиля и акциями «МММ».

Вероника Федоровна трагически скосила глаза на Карякину, надеясь найти поддержку.

Поддержка не заставила себя ждать:

– Противоположный пол, Ленка, это такой пол, у которого все наоборот: где у тебя выпукло, у него вогнуто, где у тебя коса, у него плешь, то, что тебе кажется смешным, до него не доходит, а то, что кажется смешным ему, тебя злит...

– Экое убогое создание, – пробормотала Лена. – И для чего он нужен?

– Его надо жалеть и воспитывать.

– Тогда уж лучше ребенок, – хмыкнула Лена.

– Вот, – радостно подтвердила Светка. – А я к чему веду! Ребенок бабе нужен, но без этого убогого никак!

– Да ты что! Правда? – Лена хлопнула рукой по столу и сурово добавила: – Ликбез по половым вопросам предлагаю перенести на завтра. У меня от вас обеих голова уже болит.

В этот раз она решила не сдаваться. Когда-то надо было начинать учиться говорить «нет». Единственное, на чем они сошлись, что Лена будет читать Светкины конспекты.

И вот теперь Лена настраивалась на позитивную волну, пытаясь внешнее довольство судьбой привести в гармонию со своим внутренним состоянием. Состояние бунтовало и от предлагаемой гармонии увиливало.

Впереди маячили два долгих и пустых выходных дня. Светка сбила все планы, позвонив накануне и сообщив, что у нее рандеву. Подробности обещано было рассказать в понедельник.

Жизнь вокруг активной Карякиной постоянно бурлила, шипела и исходила многообещающими пузырями. Пузыри лопались, обдавая разочарованную, но не унывающую Светку брызгами надежд: кавалеры пропадали за линией горизонта или резко сворачивали с проложенной заботливой невестой колеи. Светлана была самой близкой Лениной подружкой уже больше шести лет. Познакомились они в троллейбусе.

Лена Кораблева всегда переходила улицу только на зеленый свет, уступала места пожилым людям и пассажирам с детьми и никогда не ездила зайцем. В тот судьбоносный день она по привычке затолкала пробитый талончик поглубже в рукавичку и уткнулась носом в слепое белесое стекло, разрисованное причудливыми морозными узорами. О красоте этой зимней сказки Леночка могла только догадываться, поскольку очки, как обычно, моментально запотели, едва она внедрилась в теплое многолюдное нутро жалобно поскрипывавшего троллейбуса. Чтобы не веселить окружающих мутными очками, она по привычке ввинтилась в самый угол: там меньше толкали и не беспокоили навязчивыми просьбами пропустить, пробить талон или уточнить, когда кольцо. Она задремала под хищное лязганье жестяных троллейбусных внутренностей и спонтанно разгорающиеся там и сям скандалы.

– ...Будем дальше прикидываться или штраф платить? – увесистый тычок в плечо подтвердил, что обращаются именно к ней.

– У меня талон, – Лена даже не знала, обидеться на это неэтичное предположение о ее безбилетности или, наоборот, погордиться собственной сознательностью. Она скребла по дну рукавички тоненькими пальчиками, но, как назло, не могла нашарить подтверждение своей порядочности.

Контролеров оказалось целых два. Народ резко схлынул: то ли всем действительно срочно понадобилось выйти, то ли ретивые охотники неосторожно спугнули добычу.

Когда Лена наконец-то выгребла два мятых бумажных шарика и старательно их расправила, выяснилось, что ни тот, ни другой не соответствуют требованиям. Может, дырки и в самом деле были не на месте, или контролерам просто хотелось получить с нее штраф в преддверии выходных, но отпускать ее не собирались. Денег на штраф у Лены не было. У нее вообще не было никаких денег. Последнюю наличность она выскребла из кошелька в университетском кафе, чтобы оплатить черствую булочку и компот в липком стакане.

Сколько Лена себя помнила, с деньгами в доме всегда была напряженка. Они с мамой не голодали, конечно, но на жизнь хватало с трудом. Отца у нее никогда не было. То есть теоретически был какой-то мужчина, поучаствовавший в зарождении новой жизни, но мама на эту тему не распространялась. Она не обманывала дочь рассказами про летчика-испытателя или капитана дальнего плавания, но любые Ленины попытки выяснить хоть какие-нибудь подробности своего генеалогического древа по отцовской линии терпели крах. Мама обычно замыкалась, а потом долго ходила с красными глазами, и Лена, чувствуя себя виноватой, отставала до лучших времен. Сначала она придумала историю про папу-разведчика. Он на важнейшем государственном задании в тылу врага, но однажды он вернется. Потом разведчик трансформировался в заморского миллионера, разыскивающего на необъятных просторах бывшей родины

свою дочь. Это было связано с переходом Леночки в поздний подростковый период, когда уже невозможно было не замечать, что все девочки одеты лучше ее, что ходить в детских колготках и старушечьих панталонах неприлично и что мальчикам нравятся те девочки, у которых есть, как минимум, цветной телевизор. Обычно дети играли во дворе, но в двенадцать лет она впервые была приглашена на день рождения к однокласснице, родители которой работали в торговле. Лена была потрясена. Вернувшись после праздника домой, девочка впервые поняла, что дома не так уж уютно и красиво. В конце недели она, как и все участники дня рождения, получила цветную фотографию. Мама долго рассматривала глянцевую карточку, а потом неожиданно повела Лену в «Детский мир» и купила красивое темно-синее платье с кружевным воротничком. Это платье было самой нарядной и запоминающейся вещью из ее детства, она носила его до тех пор, пока оно не стало совершенно неприлично мало. Лена Кораблева не была отличницей, но училась всегда хорошо, особенно легко ей давался немецкий язык, поэтому вопрос о будущей профессии был решен однозначно – переводчица. Хотя ни она, ни мама не были людьми меркантильными, тем не менее тот факт, что переводчицы очень хорошо зарабатывают, сыграл не последнюю роль. Замахнулась она ни много ни мало на университет.

Мама долго бегала по знакомым, искала связи и выходы на приемную комиссию, а когда, наконец, нашла, вернулась домой с совершенно безумным выражением лица. Поступить на дневное отделение было можно, но сумма взятки была не просто бессовестной, она не имела никаких точек соприкосновения с их материальным положением.

Высокая полная женщина, с которой свели Веронику Федоровну добрые люди, была лицом, приближенным к комиссии. Категорически не желая встречаться взглядом с посетительницей, дама ездила глазами по стенам и потолку, мычала, экала и, наконец, зыркнув на одежду и сумочку пришедшей, которую та судорожно прижимала к себе, словно в автобусе в час пик, озвучила цифру.

Вероника Федоровна моргнула, попыталась повторить сказанное про себя, но мозг отказывался считать нули. Он свернулся, как позавчерашнее молоко, и затих, оставив на лице Кораблевой-старшей выражение дикого удивления и полнейшее отсутствие мыслительной деятельности во взгляде.

Правильно поняв ступор родственницы будущей абитуриентки, тетка быстро попрощалась, предложив заходить как-нибудь еще, если что.

Посидев на кухне и поуспокаивав обалдевшую маму, Лена приняла решение поступать самостоятельно. На дневной она решила ломиться для пробы, чтобы примерно представить себе процесс, а на вечерний поступать, уже набравшись минимального опыта.

Трюк удался, и Лена стала студенткой университета. Она была почти счастлива. Почти потому, что с личной жизнью категорически не ладилось. То есть ее не просто не было, но и чисто теоретически выделить время на эту самую личную жизнь не получалось.

В тот зимний вечер она ехала после лекций совершенно вымотанная и хотела только одного: поужинать чем-нибудь горячим и забыться сном в теплой постели. Контролеры, налетевшие словно коршуны, в общую канву запланированных мероприятий не вписывались.

– Плати давай, и разбегаемся, – злился высокий желчный мужик с нездоровым серым цветом лица и огромными складчатыми мешками под глазами. – Совесть надо иметь: государство тебе бесплатную учебу, медицину, а ты на билет жмотишься. Карточку купить надо, если платить забываешь.

– Я в этом месяце не успела, – пролепетала Лена, понимая всю бессмысленность своих оправданий.

– Талоны тоже купить не успела? – каркнула бородавчатая тетка, видимо, напарница серолицего контролера.

– У меня был...

– Сплыл? – почти хором рявкнули бдительные стражи законности.

– У меня нет денег на штраф, – стыдно было невероятно.

– Тогда пройдем в отделение, – уперся серолицый.

«Какой позор, наверное, в деканат сообщат», – в ужасе соображала Лена.

– Так, что у нас тут происходит? – звонкий девичий голос лучился радостью и благодушием.

Его обладательница, маленькая худенькая девушка с юркими карими глазами и смоляной челкой, выбивающейся из-под белого беретика, улыбалась сахарными зубками и радовала глаз очаровательными ямочками на щеках. Портил ее только слишком громоздкий нос, делавший ее похожей на жизнерадостного галчонка.

– Документики свои показываем, – по-хозяйски распорядилась она ситуацией. – Господа контролеры, я к вам обращаюсь. Слишком много в последнее время мошенников развелось. Мы тоже ученые. Жетон, будьте любезны!

Мужик послушно полез в карман, а тетка решила поскандальить:

– А ты кто такая? Свои документы покажь!

– Так и запишем, – кивнула девушка, доставая из лоскутного рюкзака крошечный блокнот. – Контролеры 31-го маршрута на просьбу предъявить документы в хамской форме отказали.

– Валентина, перестань, – недовольно поморщился мужик. – Есть у нас документы.

– У вас документы якобы есть, а у девушки билет, – кивнула заступница. – Показываем, показываем, не тормозим. У меня материал горит, как раз завтра статейку тиснем про этот беспредел. У меня пятно пустое осталось в газете, материала не хватает, корреспондентов грипп скопил. А тут вымогательство, подарок судьбы!

– Может, замнем? – мужик болезненно скривился. – Нам и так крохи платят...

– Ты денег, что ли, хочешь? – сориентировалась контролерша.

– Так-так-так! Взятку предлагаете, – констатировала девушка.

– Нет, мы проверяем моральный облик нашей прессы, – пробормотал серолицый и растерянно затих.

– Мне на следующей выходить, – робко встряла в беседу Лена.

– Да... Ладно, тогда, повезло вам, я лучше у девушки интервью возьму об интересах и нуждах нынешней молодежи.

Когда девушки выпали из троллейбуса, Лена робко предложила:

– Заходите к нам на чай, я вам все расскажу.

– Что расскажешь? – удивилась брюнетка, плотнее заматывая шарф.

– Ну, интервью дам...

Ответом ей был звонкий хохот спасительницы.

– Да ты что, пошутила я! Я не из газеты. Мало ли с кем не бывает. Подумаешь, без билета! Они же физиономисты, видят, девчонка интеллигентная, вот и прицепились. К какой-нибудь бабе с квадратной мордой небось не пристали бы. Меня, кстати, Света зовут. Будем знакомы.

Так в жизни Лены Кораблевой появилась самая близкая подруга. Жизненная хватка и изворотливость сочетались в Светлане с потрясающей наивностью и доверчивостью в отношениях с мужчинами. Карякина суежилась как мышь перед зимовкой, запасаясь дипломами для удачной карьеры и жизненным опытом в общении с парнями для удачного замужества. Пока ни то ни другое у нее не получалось.

Лена, шаркая старыми тапочками, выползла в кухню. Мама уже пила чай.

– Когда ты выйдешь замуж, – строго сказала она вместо приветствия, – первый же твой выход в таком сеновальном варианте закончится разводом. А если ты будешь жить со свекровью, то еще и узнаешь о себе много удивительных подробностей.

– Вот когда выйду, тогда и появится тема для разговора, – зевнула Лена. – А пока, мамуля, это все демагогия. И потом: я же только что встала. Вот сейчас пойду почищу перышки, прихорошусь...

Лена плюхнулась на стул и отломил кусок пухлой булки.

– Перья здесь будешь чистить? – ехидно поинтересовалась мама. – Смотри, в чай не насыпь!

– Ой, – хлопнула себя по лбу Лена. – Ма, какое сегодня число?

– Посмотри на календарь, если ты не в курсе, он у меня за спиной.

Лена округлила глаза и в ужасе прикрыла рот ладошкой:

– Катастрофа! Надо срочно сделать тест!

И она унеслась по коридору, громко шелкая задниками тапок.

– Ветер в голове, – проворчала мама. – Если забываешь, надо записывать.

Она со вкусом отпила кофе и вдруг резко побледнела.

– Какой тест?! Когда это произошло?! Отвечай немедленно! – мама распахнула двери ванной. Там было пусто.

– Доченька, где ты? – Вероника Федоровна заполошно металась в тишине квартиры.

Лена сгорбившись сидела за столом, спиной к входу. Плечи подрагивали. Мама застыла, боясь задать срывающийся с губ вопрос. Наконец, она осторожно шагнула в маленькую комнату. Комната была не просто маленькой, а крошечной. В их двухкомнатной «хрущевке» было всего две комнаты: четырнадцатиметровая гостиная и маленький восьмиметровый чуланчик с окном, выделенный Лене в единоличное пользование.

– Хотя и маленькая территория, но своя, – любила говорить Вероника Федоровна.

Лена что-то быстро писала. Ночнушка ситцевым балахоном свешивалась до самого пола, из-под подола выглядывала розовая пятка, выписывавшая замысловатые кренделя.

– Ну? – как еще озвучить свой вопрос, Вероника Федоровна не знала.

– Ой, мам, мне страшно некогда, – забормотала Лена.

– Что с тестом? В смысле, какой результат? – дрогнувшим голосом спросила мама, чувствуя, что вся кровь прилила к лицу, а ноги онемели.

– Никакой, забыла я про него! – раздраженно воскликнула Лена. – Надо же, такой заказ хороший! Главное, легкий: сделать тест для студентов-технарей на немецком. Полчаса работы, вот я и отложила на потом. И как отрезало! Вот кошмар. Я его сегодня к часу уже привезти должна к ним на кафедру и секретарю отдать. Там девица такая, ждать не будет, возьмет и уйдет!

– Убить тебя мало! – выдохнула мама.

Лена, наконец, оторвалась от своего теста.

– Я думала, ты беременна!

– Я???

– Нет – я! – мама сердито провела пальцем по книжной полке и молча сунула его под нос хлопающей глазами Лене. – Ты спрашиваешь таким тоном, словно этот вопрос я задала не своей двадцатилетней дочери, а мужику на улице! Какие тебе дети, ты даже пыль вытирать не научилась!

Гневно стуча пятками, Вероника Федоровна вернулась на кухню. Лена еще несколько секунд поморгала, пытаясь осмыслить суть диалога, и снова застрочила на аккуратном тетрадном листочке.

Полпервого Лена вынеслась из подъезда и, то и дело поскользываясь на гладких ледяных проплешинах, побежала к остановке. Похоже, у дворников сегодня был общегородской выходной: ни у дома, ни на проспекте, ни у института не было даже намека на песок. Выпавший в феврале снег почти парализовал движение наземного транспорта. Автобус тащился, как уми-

рающая лошадь в Поволжье во времена свирепствовавшего там голода. Лена притоптывала от нетерпения и тихо ненавидела медлительных пассажиров, степенно вползавших и выползавших по склизким ступенькам новенького «Икаруса». Она катастрофически опаздывала.

Дорога от остановки до института могла бы поспорить с любой полосой препятствий в самом экстремальном шоу: там лед был уже не проплешинами, а сплошной бугристо-зеркальной поверхностью. Лена в очередной раз убедилась в явных преимуществах своих дешевых мальчишеских ботинок на плоской ребристой подошве. Шедшие впереди нее студентки в сапожках на небольших каблучках обреченно цеплялись друг за дружку и страдальчески взвизгивали, боясь неизбежного падения и последующей порчи ажурных чулочек, украшавших их длинные стройные ножки.

Когда она, грохоча ботинками, внеслась на второй этаж, секретарь Алла уже закрывала двери.

Таисия Даниловна, выдававшая Лене эти редкие, но очень легкие и хорошо оплачиваемые халтурки, еще в самый первый раз предупредила Кораблеву:

– Имей в виду, Алка редкостная стерва, но она у нас тут на привилегированном положении. Спит с кем надо. Вот так вот. Поэтому в конфликты с ней не вступай, на хамство не реагируй.

Не реагировать на Аллу оказалось сложно. Если бы не крайняя привлекательность легкого заработка, – а здесь было единственное место, где не требовали набирать текст в печатном виде, – она просто из принципа отказалась бы от дальнейших контактов с невыносимой девицей.

Аллочке было лет восемнадцать. Она обладала стройной фигуркой, обворожительной улыбкой и абсолютно невыносимым характером. На нее было приятно смотреть ровно до того момента, пока барышня не открывала рот. Склонности и запасу ненормативной лексики этой юной феи могла бы позавидовать любая обитательница одесского Привоза.

Впервые передав Алле два варианта контрольных для студентов-технарей, Лена была сражена ее внешностью. Густой конский хвост глубокого каштанового цвета, огромные кукольные глаза и губки бантиком под аккуратным носиком ввели Кораблеву в кратковременное заблуждение.

– Будьте добры. Вот это надо напечатать и передать Таисии Даниловне... – договорить Лена не успела.

Вульгарный, хрипловатый голос, который мог принадлежать кому угодно, только не такой очаровашке, резанул ухо почище любого хлыста:

– Кому надо? Мне не надо! Будут тут всякие... с панели приходите и мордой тыкать, что мне делать, а что не делать!

Кораблева едва не выронила тонкую пачку листов. Пара интеллигентного вида мужичков, пивших кофе за книжным шкафом, старательно изображали глухих.

– Чего растопырилась? Пшла отсюда!

Лена машинально повернулась и двинулась к выходу.

– Ой, только не надо мне тут рожи строить! Я тебе сама такое сострою, спать перестанешь! Хочешь?

– Нет, – неожиданно для самой себя совершенно искренне выкрикнула Лена, ускорив шаг.

– Листы оставь, дебильная! Во народ! Понаберут лимиты невменяемой, а я тут мучайся! – отчетливым периферийным говорком рывкнула ей в спину Алла.

Автоматически повернувшись, Лена домаршировала до стола, аккуратно положила заказ и молча вышла. Ее колотило от злости, она презирала себя за то, что промолчала и не ответила малолетней хамке.

За полгода сотрудничества она привыкла к наглой девице и смотрела на нее, как на соседскую болонку, которая облаивала все, что двигалось в пределах видимости.

Алла демонстративно не замечала спешившую к ней девушку, с садистским наслаждением поворачивая ключ в весело щелкающем замочке.

– Алла, подождите! – запыхавшись, прокричала Лена.

– Еще чего! У меня рабочий день закончился, – желчно оповестила ее нахалка и, повилявая круглым задом, пошла навстречу. Лена с убитым видом застыла у стены. Теперь придется ехать сюда в понедельник к началу рабочего дня, чтобы не подвести Таисию. На работе опять будут проблемы, потому что отпроситься она не сможет и в любом случае опоздает к началу. Конечно, ее не уволят, потому что на зарплату переводчика технических текстов в эту заштатную фирмочку мало кто согласится пойти, уж больно смешной там оклад, зато климатическая начальница оттянется по полной программе.

– Вот ведьма! – сочувственно прошамкал за спиной чей-то голос. – Не девка, а чистый сатана! Тебе чего надо-то, милая?

– Да мне только документы оставить! – в сердцах ответила Лена. – Положила бы на стол и ушла. А теперь как быть?

Она расстроено махнула рукой и побрела к выходу.

– Эка беда, – догнал ее голос. – Иди сюда, у меня ключи от всех ихних конур есть. Иди, открою.

Не веря своему счастью, Лена подбежала к круглой бабушке в синем халате со шваброй и косым ведром, помеченным загадочной аббревиатурой. Оставив листочки на столе и поблагодарив уборщицу, она радостно поскакала по ступенькам. Эта удача взбодрила ее настолько, что Лена решила не ехать сразу домой, а пройтись по Невскому.

У остановки она нагнала коряво семенившую на своих шпильках Аллу. Коротенькая меховая размахайка, не прикрывавшая аппетитный зад секретарши, моталась туда-сюда, как колокол на ветру. Голубенькие прорезиненные джинсы, обильно разукрашенные цветными стразами, обтягивали тоненькие ножки, едва стоящие на накатанной за день поверхности. Лена, мстительно улыбаясь, уверенно вышагивала сзади, стыдясь признаться себе, что ждет, когда эта цапля во всем своем великолепии загремит на исцарапанный лед, взметнув к небу соблазнительные конечности.

Прямо у остановки стояла серебристая иномарка, рядом с которой расхаживал высокий блондин в короткой бандитской дубленке.

«Конечно, – обиженно подумала Лена. – Небось эту мегеру ждет. Поедут сейчас по городу кататься, в ресторан пойдут, потом будут целоваться у всех на виду...»

Это был самый болезненный для Лены момент: она категорически не могла видеть целующиеся в общественных местах парочки. К чувству неловкости за увиденный интим добавлялось четкое осознание собственной ущербности. Ее целовать никто не рвется. За двадцать шесть лет жизни она так и не дошла ни с одним из своих малочисленных кавалеров до этой романтической стадии.

Блондин с интересом смотрел в их сторону. Алла перестала ковылять, как раненый краб, и воткнулась каблуками в снег, приняв эффектную позу и трясая в воздухе пачкой сигарет. Видимо, она пыталась намекнуть обладателю иномарки, что дама хочет закурить. Но тот намек не понял и не сдвинулся с места в ее сторону. Зато студенты, стайками покидавшие alma mater, начали наперебой ухаживать, и Алла, наконец уцепившись за одного из них, пошагала как циркуль, так и не порадовав Лену своим падением.

Махнув рукой на месь, Лена подошла к зебре и начала честно ждать зеленого света.

– Девушка, а вдруг нам по пути? – проворковал бархатный баритон, и кто-то осторожно тронул ее за локоть.

– Знаете, что бывает «вдруг»? – от неожиданности Лена чуть не порадовала неизвестного любимой Светкиной поговоркой.

– Что? – с готовностью поинтересовался голос.

Лена залилась краской и буркнула, боясь обернуться:

– Ничего!

Кавалеры редко проявляли к Лене интерес, а если и проявляли, то временный. В школе мальчик, севший в девятом классе с ней вместе и целых три года преданно носивший ее портфель, весь выпускной вечер протанцевал с другой. Сын близкой маминой подруги, которого Лене навязала Вероника Федоровна, испугавшись, что дочь так и прокукует всю жизнь одна, сначала имел успех. Они ходили в кино, гуляли по городу, разговаривали на всякие умные темы и в конце концов откровенно начали тяготиться друг другом. Немаловажную роль в расколе этого так и несостоявшегося союза сыграли мамы. Мама Валеры перед каждым свиданием делала страшные глаза и вещала:

– Только попробуй ее хоть пальцем тронуть! Я потом Веронике в глаза посмотреть не смогу. Имей в виду, Лена – девочка из приличной семьи. С ней нельзя, как со всякими там...

Для изображения «всяких» мама морщила нос и кривила губы. Ее доброе лицо со всеми тремя подбородками становилось похожим на блин, неудачно снятый со сковородки.

Поскольку Валера, как и не пристроенная Лена, уже давно созрел как раз для общения с девушками, которые категорически не нравились маме, а с Леной ничего делать было нельзя, кроме как водить по кинотеатрам и тратить деньги на обязательные букеты и мороженое, он начал старательно искать повод для уклонения от этой надоевшей повинности.

Лене же мама говорила вещи прямо противоположные. Страшным шепотом она требовала:

– Не вздумай строить из себя недотрогу. Он мальчик порядочный, если что – не сбежит, женится, а тебе опыта пора набираться. В вашем возрасте глупо сидеть и таращиться на луну.

– А что, лежать нам под ней, что ли? И вообще, ты предлагаешь мне проявлять инициативу? Представляю, что он подумает!

– Ничего не подумает. Пора уже не размышлять, а действовать.

– Я попробую, – обещала Лена, но, едва увидев вежливого Валеру с букетиком, понимала, что закидывать на него в кинотеатре ноги или прижиматься в метро ни за что не будет. Просто потому, что ей этого не хочется. То есть, может, и хочется, но она боялась выглядеть глупо в том случае, если кавалер в ужасе шарахнется в сторону и потребует объяснений. Или маме пожалуется.

Это могло тянуться бесконечно, если бы однажды приглашенная к нему на день рождения Лена не выпила лишнего.

Компания собралась не очень большая: Валера, два его друга и девушка одного из друзей, прихватившая с собой подругу для полового равновесия.

Друзей звали Коля и Миша, а девушек Наташа и Вика. Наташа, Колина девушка, видимо, прихватила с собой Вику, рассчитывая на тесный междусобойчик с последующей ночевкой. Когда она спросила своего кавалера, что за компания, тот честно ответил, что все свои, будет весело и нужна еще одна девушка для комплекта. Слово «весело» Наташа поняла не совсем правильно, поэтому и привела бескомплексную Вику. Та, в свою очередь, положив глаз на хозяина мероприятия, рассуждала со здоровой житейской практичностью: с очередным своим ухажером она рассталась, идти домой к родителям не хотелось, поскольку родственники хором учили ее «правильной» жизни, поэтому нужно найти нового друга со своей жилплощадью. Прикинув, что если хозяин и решит выгнать гостей, то уж приглянувшуюся девушку точно оставит, Вика пошла в наступление. Изо всех сил хорохорившийся Валера был ею тут же раскушен. Сначала она ненароком потолкала его круглым коленом под столом: парень залился лиловым румянцем и обрадованно заерзал. Она начала стрелять глазками и зазывно потряхи-

вать бюстом. Валера, которому Лену трогать было нельзя, а упустить представившийся шанс остаться в покинутой мамой квартире с девушкой не хотелось, с радостью воспользовался обстоятельствами.

Пока Лена, которой мама на прощание велела любой ценой остаться ночевать, размышляла, как бы осуществить задуманное, Вика воплотила в жизнь все ее самые смелые фантазии. Валера реагировал на удивление активно и с выдумкой. Коля с Наташей пропали из поля зрения еще до появления на столе горячего. Поэтому Лене, со стороны наблюдавшей сцену совращения несостоявшегося жениха, вместо того чтобы в ней участвовать, не оставалось ничего, как изображать хороший аппетит. Друг Миша, потевший от волнения и ждавший от скукающей за столом Лены Викиной активности, одну за другой наливал рюмки, решив, что сладкий ликер не опасен. Поскольку Лена была парным вариантом к нему, Миша начал за ней ухаживать, не придумав ничего лучше, как угощать ее все тем же ликером. В результате через час они уже целовались, плавно отбывая в царство Морфея.

Пробуждение было страшным. Первым, что опознала Лена, с трудом разлепив веки, словно заклеенные скотчем, была впалая мужская грудь с редкими волосами и по-цыплячьим выпирающими ребрами. Ее голова лежала на этой стиральной доске, и на тупую внутреннюю боль наслаивалась ноющая боль в щеке.

«Наверное, у меня там вся эта анатомия отпечаталась», – мрачно подумала Лена, боясь продолжить осмотр собственного тела.

Голова, крепившаяся к цыплячьему торсу, принадлежала не Валере. Она старательно пыталась припомнить имя юноши и вынуждена была констатировать, что вообще ни одного мужского имени вспомнить не может. Мозг еще спал, не желая участвовать в утренних страданиях хозяйки.

При попытке подняться у Лены потемнело в глазах, а в затылок словно воткнули лом. Даже стонать оказалось больно, поскольку голосовые связки, вознамерившись жалобно повибрировать, задели какие-то нервные окончания в висках, и она едва не потеряла сознание.

Полежав некоторое время без движения и научившись более-менее пользоваться веками, Лена предприняла еще одну попытку оценить масштабы трагедии. Она пошарила рукой внизу и с облегчением обнаружила, что кавалер спит в штанах. Ее колготки тоже были на месте. Когда она, повращав глазами, сфокусировалась на лице лежавшего, то едва не заорала от ужаса: он смотрел прямо на нее.

– Здравсте, – просипела Лена, криво улыбнувшись и пытаясь перенести голову куда-нибудь в другое место. Трюк удался. Теперь они просто лежали рядом.

– Все было замечательно, – неуверенно скрипнул парень.

Лене стало смешно, и она мелко затряслась, стараясь не беспокоить своими вибрациями медленно оживающий череп.

Когда она обрела способность передвигаться по квартире, первое помещение, куда ее занесло, оказалось хозяйской спальней. Как и следовало ожидать, Валера с Викторией спали там младенческим сном, только в отличие от интеллигентных, но слегка перебравших гостей на них абсолютно ничего не было. Лена с горечью констатировала, что фигура у Валеры была очень даже ничего. Но это к ней теперь уже не имело ни малейшего отношения.

Еще двоих не задержавшихся надолго кавалеров привела Светка. Один оказался умопомрачительно рыжим и глупо ржал по любому поводу. Он сводил Лену на легендарный фильм «Тупой, еще тупее», гоготал весь сеанс и потом весь вечер пребывал под впечатлением, пытаясь обсудить увиденное. Второй на первом же свидании сообщил, что Лена не в его вкусе, но он не видит смысла портить себе из-за этого прискорбного факта вечер, поэтому после прослушивания сообщения о своем несоответствии кавалерским требованиям Лена была пригла-

шена в ресторан, где он долго и со вкусом рассказывал о себе, женской психологии и женских ошибках в отношениях с мужчинами.

Все эти неудачи послужили замечательным фундаментом для формирования устойчивых комплексов.

Поэтому Леной, внутренне готовой к своему пожизненному одиночеству, мужчины обычно не интересовались. Ее не замечали, скользя по ней равнодушными взглядами, словно по незначительной детали декораций, цепляясь за более эффектные экземпляры.

Именно наличие букета приобретенных за недолгую жизнь комплексов и объясняло тот факт, что неожиданное внимание неизвестного мужчины выбило Лену из колеи и даже немного напугало. Когда она, наконец, отважилась оглянуться, то ей стало совсем плохо. Рядом смущенно переминался тот самый блондин из иномарки.

– Ну и чем обязана? – сухо поинтересовалась Лена. Она категорически не могла предположить, что этому мачо понравилась бледная очкастая девочка в детских ботинках и длинном дутом пальто, которое мама называла хламидой и требовала выбросить. Если он ею интересуется, значит, есть корысть.

– Вы не голодны? – блондин форсировал события.

Представив, что он сейчас даст ей какой-нибудь откушенный гамбургер или недоеденный пирожок, или насыплет пригоршню мелочи в ладошку, Лена нервно хмыкнула.

Ее реакцию он понял неверно, засуетившись и потянув девушку к автомобилю, крепко взяв за локоть. Лена испуганно вырвалась и метнулась через дорогу на мигающий зеленый свет. Мужик бешеным сайгаком поскакал за ней.

– Я милицию позову! – взвизгнула Лена. На них стали оборачиваться.

Блондин виновато моргнул и развел руками:

– Ну простите. Я думал, вы согласны.

– На что?! – Лену колотило от испуга, поэтому она почти кричала.

– Да что вы орете-то? – похоже, он обиделся. – Я же вас просто пригласил пообедать.

– В машине?

– Что? Нет, конечно. Но мы же должны как-то добраться до ресторана.

– Давайте, вы сразу скажете, что вам от меня надо, и разойдемся по-хорошему.

– Ничего себе, – пробормотал он. – А что, непонятно разве. Познакомиться хочу.

– Зачем?

– Вы случайно не следователем работаете? Просто допрос какой-то.

– А вы, похоже, со следователями часто сталкивались по роду своей деятельности...

Роскошный парень округлил глаза, неуверенно качнул головой и расстроено спросил:

– Значит, не поедете со мной?

На лбу у него появились две страдальческие морщинки. Они были какими-то жалкими и трогательными одновременно.

Лена вдруг подумала: «А почему нет? Разве я убогая какая? Почему бы ему действительно не захотеть познакомиться со мной?»

Но пережитый страх еще трепетал где-то в глубине души, и она строго сказала:

– В машину я не сяду.

Он растерянно оглянулся и спросил:

– А как же быть? Здесь ресторанов нет.

– Не сяду, – Лене опять стало страшно. Другой давно бы уже плюнул и ушел, а этот топчется тут...

«А любовь? – хихикнула в подсознании игривая мысль. – Может, это твоя половинка!»

– Давайте поедем на такси, – сдалась она, все еще сомневаясь и боясь, что и такси какое-нибудь подставное. Вдруг он с водителем договорился заранее. Конечно, она не такой ценный

фрукт, чтобы породить такие сложности. С другой стороны, а если они какого-нибудь донора ищут для пересадки. Можно и потратиться на усиление бдительности. Поняв, что это уже начинается паранойя и оценив очарование виноватой улыбки кавалера, она махнула рукой и сказала:

– Ладно, давайте на вашей машине.

– Олег, – он галантно кивнул.

– Это вы к чему?

– Это я к тому, что мы сейчас познакомимся, и вы не будете терзаться мыслью, что сели в машину незнакомого мужчины.

– Оттого, что я знаю ваше имя, ничего не изменится. К тому же вы запросто могли наврать, – решила она блеснуть своей сообразительностью.

– Хотите, я вам паспорт покажу? – улыбнулся Олег.

– Надо же, какая предусмотрительность, – все еще ершилась Лена, с волнением констатируя, что его улыбка нравится ей все больше и больше. – Паспорт и подделать можно, и украсть.

– Ну, вы даете! – изумился парень. – Вас что, часто обманывали?

– Никогда! – нагло похвасталась Лена.

– Ну-ну, – неопределенно улыбнулся он. И опять его улыбка осторожно тренькнула какой-то струной в Лениной душе.

– Вы случайно не альфонс? – этот вопрос был уже лишним, поскольку ни один нормальный жиголо не заинтересовался бы столь скромным экземпляром.

– Да перестаньте вы, – уже всерьез обиделся Олег. – Я же еще не сделал вам ничего плохого...

– Еще? Впечатляет! Значит, какая-то пакость все-таки запланирована?

– Тяжело-то как с вами, – искренне сообщил парень.

– Ладно, извините, – сдалась Лена. Не сообщать же ему, что это первый раз в ее жизни, когда мужчина сам заинтересовался ею. Его не притащила Светка, обманом заманив в общую компанию и поставив перед фактом, что сегодня ему предстоит ухаживать именно за этой невзрачной девочкой, и не приволокла как быка на бойню мама. Он пришел сам...

– Кстати, – в ней всколыхнулись остатки бдительности. – А кого это вы тут ждали?

– Вас, – просто ответил Олег.

– Нас? А откуда интересно вы узнали, что «мы» тут будем проходить?

– Я вас еще у дома увидел, только вы так быстро уехали, что я не успел предложить подвезти. Пришлось ехать за автобусом.

– У дома? У моего? – Лена напряглась, не понимая, как реагировать на последнее заявление. Похоже, у него на все есть объяснение, но, чтобы успокоиться, это объяснение хорошо бы услышать: – И что вы там делали? У моего дома.

– А я уже неделю вас караулю. Увидел давно, а подойти и познакомиться все не решался. Как видно – не зря. Вон вы как кавалеров в штыки принимаете. Наверное, надоели вам рыцари?

Это была наглая лесть, граничащая с подхалимажем. Лена не стала принимать условия игры:

– И не говорите, – парировала она. – Шляются под балконом, серенады воют, доспехами бряцают. Соседи уже жалуются.

– Да что вы говорите, – пробормотал Олег.

«А с чувством юмора у него напряженно, – с неудовольствием констатировала про себя Лена. – Или это я неудачно пошутила?»

– Так что? Обедать мы едем? – Олег говорил ровно, но чувствовалось, что он слегка подавлен ее реакцией.

– Ладно, так и быть, – милостиво кивнула она и неловко полезла в машину. Сказалось отсутствие опыта: она перепачкала подол и несильно ударилась о бардачок коленом. Олег торопливо обежал автомобиль и легко нырнул за руль. У него все получалось красиво. Но Лена и собой была довольна: наверное, еще никогда девушки не соглашались на поход в ресторан с этим красавцем в таком возмутительно снисходительном тоне. Последним аккордом в ее торжестве стало то, что, как только машина тронулась, Лена с облегчением вспомнила, что именно сегодня, не желая ударить в грязь лицом перед крикливой Аллой, она надела свой единственный выходной костюм. Все складывалось наилучшим образом.

Ресторан оказался маленьким и очень уютным. Конечно, Ленины ботинки не совсем гармонировали с окружающим великолепием, но, запихнув ноги под стул, она почувствовала себя увереннее.

В непривычной обстановке Лене было очень и очень некомфортно, словно это вовсе не она сидела сейчас с интересным мужчиной в мягком полумраке дорогого ресторана, а кто-то, за кем можно следить со стороны, давая ценные указания. Лена как будто играла чью-то роль, как Золушка, у которой в определенный момент все отнимут и выдадут взамен тыкву и мышей. Возможно, именно поэтому, пытаясь использовать каждое мгновение из этого непонятного происшествия, подаренного судьбой, она и осмелела.

Когда принесли меню, Лена уверенно взяла тяжелую кожаную папку и с умным видом начала читать. Заранее решив, что наплюет на смущающее обилие вилок и ножей, непонятно для чего предназначенных, и будет вести себя максимально естественно, Лена попыталась вычислить в списке витиеватых названий что-нибудь вкусное. В принципе, все звучало многообещающе и, скорее всего, готовилось с вывертом, а она привыкла к простой пище. С другой стороны, почему бы не попробовать что-нибудь экзотическое хоть раз в жизни. Здравый смысл подсказывал, что вряд ли кавалер захочет еще раз так мощно потратиться. Она, конечно, и раньше была в ресторанах, но это были абсолютно рабочие походы. Переводчица, приставленная к опекаемым иностранцам, никогда не успевала ни поесть, ни попить, поскольку пока одна сторона молчала, другая обязательно рассыпалась в светских любезностях, а бедная девушка переводила всю эту ерунду туда-обратно и исходила слюной от дурманящих запахов. Теперь можно было оторваться по полной программе, но это оказалось не так легко. Помучившись некоторое время, она выбрала утку в апельсиновом соусе и взбитые сливки с фруктами.

Олег удивленно пошевелил бровями, демонстрируя полное непонимание подобного сочетания.

– Не волнуйтесь, – многозначительно улыбнулась Лена. – Я вас не опозорю и есть это буду по отдельности.

– Не сомневаюсь, – кивнул он. – Это вместе и не принесут. Вы всегда так мало едите? Или вы стесняетесь?

– Я фигуру берегу, – покраснела Лена, перед которой эта проблема не стояла никогда. Ей не фигуру надо было беречь, а есть с утра до ночи, но отговорка была настолько стандартной, что была принята без возражений.

Она обнаглела и начала рассматривать Олега. Чтобы новый знакомый не заподозрил ее в кокетстве, очки Лена снимать не стала, хотя и знала, что без своих окуляров выглядит намного привлекательнее.

«Если уж навязался, пусть ухаживает за тем, что есть», – решила она после некоторого колебания, но немного опасаясь, как бы не перегнуть палку.

Олег не был красавцем в общепринятом смысле этого слова. Видно было, что он тщательно следит за своей внешностью. Волосы блестели и лежали красивыми волнами, узкое лицо было гладко выбрито, ровные брови двумя четкими густыми полосами разлетались над небольшими блеклыми глазами. Если бы он был низеньким и субтильным, то в нем с легкостью можно

было бы заподозрить представителя каких-нибудь меньшинств, но высокий рост и широченные плечи с лихвой компенсировали некоторую лубочность его портрета. В общем, мачо – да и только!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.